

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Т.В. Барсов

Полное собрание постановлений
и распоряжений по ведомству
православного исповедования
Российской империи

Опубликовано:

Христианское чтение. 1869. № 10. С. 623-672.

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2010

**„ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ВѢ-
ДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ РОССІЙСКОЙ ИМПЕ-
РІИ“ т. 1. 1721 годъ. С.-Петербургъ, 1869 г.**

Высочайше учрежденная при св. правительствующемъ Синодѣ коммиссія для разбора дѣлъ, хранящихся въ его архивѣ, послѣ „описанія документовъ и дѣлъ“, напечатаннаго въ прошломъ 1868 году, въ настоящемъ 1869 издала новый трудъ своихъ занятій: „Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія россійской имперіи“.

Поводомъ къ составленію настоящаго труда, отдѣльно отъ Описанія, по объясненію самой коммиссіи, послужило слѣдующее: „приступивъ, говорится въ предисловіи, къ занятіямъ, коммиссія положила первою для себя задачею составить подробное описаніе дѣлъ, и наиболѣе важные и любопытные документы, въ нихъ заключающіеся, помѣстить въ прибавленіяхъ къ Описанію“ (1). Коммиссія такимъ образомъ посмотрѣла на свои занятія взглядомъ библіографа и археолога; но, кажется, это не совсѣмъ умѣстно при разборѣ дѣлъ и документовъ архива административнаго учрежденія. Главнымъ содержаніемъ такого архива обыкновенно служатъ судныя

(1) Предислов. къ Пол. собр. постановл. и распор. стр. 1.

дѣла и административныя постановленія и распоряженія, основанныя или неоснованныя на этихъ дѣлахъ. Поэтому приведеніе именно содержанія этихъ постановлений и распоряженій, вмѣстѣ съ указаніемъ на самыя дѣла, во всеобщую извѣстность должно быть прямою цѣлю при ихъ разборѣ и описаніи. По крайней мѣрѣ, таже комиссія сочла нужнымъ измѣнить нѣсколько свою задачу, исправить и пополнить ее. „Важное значеніе, говорится въ томъ же предисловіи, находящихся въ этихъ дѣлахъ постановленій и распоряженій св. Синода, до сихъ поръ въ цѣлой совокупности не изданныхъ и оставшихся недоступными наукъ и неудобство помѣстить ихъ всѣ въ приложеніяхъ къ „Описанію“ архивныхъ дѣлъ привели комиссію къ мысли составить „Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія россійской имперіи“ ('). Дополняя свою задачу настоящимъ трудомъ, комиссія какъ будто боится нападокъ на нее за излишество новаго изданія. Намъ напротивъ думается, что если бы комиссія, на самомъ дѣлѣ, остановилась на одномъ „Описаніи и его приложеніяхъ“, то она отказалась бы тѣмъ отъ полного исполненія возложенныхъ на нее занятій, не выполнила бы своего труда, столь драгоценнаго для науки и предпринятаго въ ся видахъ. Изданія комиссіи, очевидно, должны отвѣчать собою не только на вопросъ: чтó есть и хранится въ архивѣ св. Синода, но и главнымъ образомъ на вопросъ: чтó именно и въ какомъ духѣ, направленіи и содержаніи. Но отвѣтъ на первый вопросъ, если бы онъ и былъ данъ, служить лишь подготовкою къ распознаванію смысла другаго вопроса. Соотвѣтственно сему и „Описаніе

(') Ibid. стр. 1.

документовъ и дѣлъ“ можетъ только предшествовать „Полному собранію самыхъ постановленій и распоряженій“, но не замѣнить его. „Описаніе“ рассказываетъ намъ, такъ сказать, исторію образованія извѣстныхъ постановленій и распоряженій, передаетъ поводы и обстоятельства, создавшіе ихъ смыслъ. „Полное собраніе постановленій и распоряженій“ буквально сообщаетъ самыя эти постановленія и распоряженія, диктуетъ намъ самыя законы, которые получили свое начало вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, раскрываетъ тѣ правила, которыми административныя власти и установленія должны руководствоваться при встрѣчѣ съ извѣстными явленіями. Разница между тѣмъ и другимъ трудомъ самая ощутительная и очевидная.

Но если бы предстала новая нужда, которая побудила бы комиссію снова измѣнить планъ, принятый ею для разбора документовъ и дѣлъ архива Св. Синода: то это измѣненіе, какъ намъ кажется, должно невыгодно коснуться „Описанія“ и склониться въ пользу „Полнаго собранія“. Наука, безъ сомнѣнія, полезно знать и обстоятельства, вызвавшія извѣстное распоряженіе, но совершенно необходимо прежде всего имѣть передъ глазами самый смыслъ этого распоряженія. Дополняя нашу мысль, мы готовы сказать, что Описаніе въ такомъ случаѣ слѣдовало бы присоединить къ Полному собранію, какъ мотивы, вызывающіе извѣстный законъ, обыкновенно соединяются съ изложеніемъ самаго смысла закона. Описаніе, въ такомъ случаѣ, отвѣчало бы одному юридическому термину указовъ: „слушали“, а полное собраніе другому: „приказали“. Оба, будучи соединены вмѣстѣ, объясняли кратко и исторію образованія извѣстнаго узаконенія, передавали также сполна и самое со-

держаніе закона. Намъ думается, что еслибы комиссія нашла возможнымъ послѣдовать настоящему порядку при дальнѣйшихъ ея занятіяхъ, то труды ея не только значительно сократились и, слѣдовательно, пошла еще успѣшнѣе (¹), но и самыя изданія, безъ нужды не повторяли другъ друга и не путались содержаніемъ. Въ-мѣсто двухъ было бы достаточно одного изданія, подобно Полному собранію законовъ Россійской имперіи. Одно изданіе выигрывало бы въ экономическомъ и практическомъ отношеніи: въ экономическомъ тѣмъ, что можно было бы дешевле пріобрѣсть его; въ практическомъ тѣмъ, что было бы удобнѣе пользоваться имъ при самыхъ занятіяхъ и справкахъ. Акты и документы, не имѣющіе юридическаго значенія, но любопытные по содержанію и замѣчательные по ученому интересу, вошли бы также въ прибавленія, которымъ дано мѣсто въ концѣ Описаній; историческія подробности, нужныя для объясненія смысла извѣстнаго постановленія и распоряженія сверхъ вошедшихъ въ нихъ, удобно могли быть помѣщены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Думается, что въ такомъ изданіи было бы больше системы, единства и стройности, что и наука не потеряла бы съ нимъ ничего существеннаго и необходимаго.

Какъ „Описаніе документовъ и дѣлъ“ въ свое время обратило на себя лестное для комиссіи вниманіе духовныхъ и свѣтскихъ органовъ, такъ и „Полное собраніе постановленій и распоряженій“, вужно полагать, не останется явленіемъ также неотмѣченнымъ вниманіемъ ученыхъ органовъ. Появленіе такихъ трудовъ, какъ

(¹) Комиссія начала свои занятія 14 января 1866 года, см. Предисловіе къ Описанію документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода. стр. 2.

„Описание“ и „Полное собраніе“, если только они будутъ продолжены, и, особенно, доведены до конца, могутъ подвинуть собою развитіе русской церковной науки. Общеизвѣстная скудость этой науки, по всѣмъ отраслямъ богословскаго знанія, главнымъ образомъ, зависитъ отъ недостаточной у насъ разработки ея источниковъ. Всѣ опыты отечественной, богословской науки представляютъ собою: или компиляціи, или рабское до буквы подражаніе трудамъ иностранныхъ ученыхъ, или наконецъ переработку и варьированье на разные мотивы однажды добытаго къмъ либо матеріала. Характеромъ перваго рода отличаются опыты теоретическихъ, богословскихъ наукъ; вѣроисповѣдныя разности не позволяютъ имъ безъ разбора черпать все свое содержаніе изъ трудовъ иностранныхъ. Характеромъ втораго рода до очевидности запечатлѣны изданія по общей церковной исторіи; вѣроисповѣдныя разности здѣсь менѣе чувствуются и удобнѣе сглаживаются. Характеромъ третьяго рода отлѣнены сочиненія по описанію обрядовъ и богослуженій церкви; какъ бы заключенные въ какой либо кругъ, изслѣдователи этой спеціальности только перебираютъ и варьируютъ одинъ и тотъ же матеріалъ, повторяя въ перифразѣ другъ друга. Всѣ ихъ труды, которыхъ такъ много наплодилось въ настоящее время, за исключеніемъ двухъ, трехъ, заслуживающихъ вниманія (¹), оказываются одною пѣснью, которая распѣвается на разные тоны, безнужнымъ переодѣваньемъ изъ одного платья въ другое. Хочется даже пожелать, чтобы подобныхъ трудовъ являлось поменьше: они только засоряютъ собою поле этой спеціальности и приу-

(¹) Разумѣемъ здѣсь труды о. протоіерея Дебольскаго и сочиненія звыш. о. К. Т. Никольскаго.

чаютъ любознательность къ предметамъ мало важнымъ и знаніямъ поверхностнымъ. Но все это, какъ намъ кажется, происходитъ отъ недостаточнаго нашего знакомства съ общими источниками богословской науки: съ св. писаніемъ и, особенно, съ твореніями св. отцовъ. Последнія, до сихъ поръ, остаются далеко неизданными въ полномъ ихъ объёмѣ; творенія многихъ отцовъ Церкви мы изучаемъ только по ихъ отрывкамъ, — тогда какъ сочиненія св. отцовъ и вообще писателей церкви представляютъ собою первый, наиважнѣйшій и незамѣнимый родникъ знаній для всѣхъ богословскихъ наукъ: теоретическихъ, историческихъ и практическихъ. Если бы сдѣлать этотъ родникъ доступнымъ для всѣхъ, то можно напередъ быть увѣрену, что отечественная богословская наука не только обновилась бы въ ея содержаніи, но и оставила бы свой сухой и школьный характеръ изложенія.

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе 1-го тома „Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія российской имперіи“. Безотносительно къ достоинствамъ, которыми оно несомнѣнно обладаетъ, какъ трудъ, заключающій въ себѣ много новаго матеріала, — такъ и къ тѣмъ недостаткамъ, если бы сіи оказались въ немъ, какъ въ трудѣ, наскоро составленномъ и во многихъ мѣстахъ повторяющемъ „Описаніе“, — безотносительно къ тѣмъ и другимъ мы отдаемъ полную нашу благодарность — какъ тѣмъ лицамъ, которымъ впервые пришла счастливая мысль, поведшая къ предпріятію подобнаго изданія, такъ и тѣмъ, которыя непосредственно прилагали свои труды на разработку его матеріала. Это изданіе представляетъ собою наиважнѣйшій, и,

можно сказать, первый источникъ какъ для науки отечественной, церковной исторіи, такъ вмѣстѣ и для науки отечественнаго церковнаго права. Исторія, безъ этого источника, страдаетъ неполнотою ея содержанія, терпитъ пробѣлы въ самомъ изложеніи. Каноника не можетъ выполнить задачи исторической системы, не можетъ показать историческое и генетическое развитіе правительственныхъ учрежденій по духовному вѣдомству, удовлетворительно прояснить перерожденіе старыхъ въ новыя установленія. Каноника не можетъ отчетливо понять послѣдовательнаго развитія важныхъ для нея узаконеній церковной и государственной власти, какъ эти узаконенія съ новыми цѣлями общаго русскаго законодательства создавались, раскрывались, появлялись, дополнялись, теряли силу, чтобы дать мѣсто новымъ распоряженіямъ, входившимъ въ дѣйствіе. Исторія и каноника вмѣстѣ приобрѣли для себя много неизвѣстнаго имъ матеріала. Намъ остается только желать и надѣяться, что это дѣйствительно только начало, а не конецъ предпринятаго, многолѣтняго труда, что это собраніе постановленій и распоряженій не ограничится первымъ годомъ дѣятельности св. Синода.

Главнымъ содержаніемъ „Полнаго собранія“ служатъ постановленія и распоряженія Св. Правительствующаго Синода. Особенное значеніе ихъ для науки отечественнаго церковнаго права свидѣлствуется тѣмъ, что Св. Правительствующій Синодъ, какъ высшее, правительственное установленіе въ русской церкви, какъ постоянный, помѣстный ея соборъ, имѣетъ всю непререкаемую силу высшаго, законодательнаго и распорядительнаго органа по дѣламъ и вопросамъ церковнымъ, что опредѣленія его получаютъ важность положительныхъ

законовъ для всей мѣстной церкви. Впрочемъ, и сами по себѣ, т. е. по своему содержанію, эти опредѣленія даютъ намъ не только понять духъ, желанія и цѣли русскаго, церковнаго правительства, но и прослѣдить, съ одной стороны, самыя тѣ юридическія судебныя моменты, въ которыхъ обнаруживались особенности церковно-народной, русской жизни, съ другой самыя тѣ мѣры и распоряженія, которыя предпринимались законною властію и издавалась ею въ видахъ приведенія тѣхъ особенностей въ надлежащія и законныя предѣлы. Въ „Полномъ собраніи“, дополняемомъ „Описаніемъ“, мы изучаемъ, какъ государство и церковь заодно заботились создать, установить и утвердить тотъ порядокъ жизни и управленія въ русской церкви, который долженъ былъ замѣнить старое теченіе дѣлъ и послужить началомъ и основаніемъ для послѣдующаго развитія. Въ этихъ изданіяхъ выѣстъ мы изучаемъ по теоретическимъ и фактическимъ даннымъ церковныя явленія эпохи того времени, знакомимся съ администраціею русской церкви, съ дѣйствительными ея органами, которые, существуя въ прежнее время, или будучи вновь созданы, продолжали свою дѣятельность на новыхъ началахъ, по указанію новыхъ цѣлей, созданныхъ и утвержденныхъ духомъ и требованіями Петровской реформы, составляющей эпоху въ исторіи существованія русской церкви.

Первый томъ „Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской Имперіи“ начинается Духовнымъ Регламентомъ и содержитъ правительственныя постановленія и распоряженія обнародованныя въ 1721 году. Эти постановленія и распоряженія изложены въ послѣдова-

тельномъ, хронологическомъ порядкѣ по времени ихъ происхожденія: такое изложеніе облегчаетъ трудъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ дѣятельности Св. Синода и другихъ правительственныхъ учрежденій по духовному вѣдомству. Въ концѣ тома присоединены коммиссіею два указателя: хронологическій и предметный по порядку буквъ алфавита. Послѣдній помогаетъ изслѣдователю отыскивать постановленія и распоряженія, одинаковыя по содержанию.

І. Духовный Регламентъ.

Онъ изданъ 1720 года и до сихъ поръ не утратилъ силы дѣйствующаго источника отечественнаго церковнаго права. Побужденіемъ къ его составленію служило то, чтобы дать опредѣленный уставъ для занятій и дѣятельности духовной коллегіи, „по которому она знатъ долженства своя и всѣхъ духовныхъ чиновъ, такожь и мірскихъ лицъ, поелику оныя управленію духовному подлежатъ и при томъ во отправленіи дѣлъ своихъ поступать имѣтъ“ (1). Духовный Регламентъ былъ составленъ извѣстнымъ Θεοφаномъ Прокоповичемъ по порученію Петра Великаго; и въ 1720 г., 11 февраля, былъ рассмотрѣнъ самимъ Государемъ, исправленъ и дополненъ имъ, потомъ отданъ на рассмотрѣніе сенату съ духовенствомъ, которыми онъ двукратно былъ читанъ и объясненъ новыми замѣчаніями, наконецъ подписанъ епископами, архимандритами, сенаторами, бывшими при слушаніи, и самимъ Государемъ (2). Послѣ сего онъ былъ

(1) Дух. Регл., стр. 3. Оглавленіе.

(2) Описан. Докум. и Дѣлъ Архива Св. Синода, стр. 136, см. Θεοφанъ Прокоповичъ и его время. Чистовича, стр. 70.

послать въ Москву, Казань, Вологду и другіе города ⁽¹⁾ для подписанія неприсутствовавшимъ при его чтеніи лицамъ: епископамъ и архимандритамъ, и подписанъ ими ⁽²⁾.

Разсказанная исторія происхожденія Духовнаго Регламента оставляетъ за нимъ всѣ права и признаки дѣйствительнаго законодательнаго памятника отечественной церкви. Все содержаніе его раздѣлено на три части: I-я занимается описаніемъ духовной коллегіи и раскрываетъ причины ея учрежденія; II-я говоритъ о дѣлахъ, подлежащихъ ея управленію; III-я разсуждаетъ объ обязанностяхъ самыхъ управителей, ихъ правахъ и дѣятельности ⁽³⁾. При изложеніи самаго содержанія этихъ частей, Духовный Регламентъ касается: I) общаго, II) епархіальнаго управленія русской церкви, разсуждаетъ III) о нѣкоторыхъ частныхъ предметахъ церковнаго управленія и благоустройства.

I.

Въ отношеніи къ общему управленію русской церкви, духовный регламентъ исключительно занимается вопросами, относящимися до духовной коллегіи: излагаетъ причины ея учрежденія, указываетъ составъ ея устройства, начертываетъ правила ея занятій и дѣятельности. Учрежденіе духовной коллегіи представлено въ Регламентѣ результатомъ предпринятой Петромъ В. реформы по духовному вѣдомству и вмѣстѣ единственно спасительнымъ способомъ къ лучшему управленію и существованію русской церкви. „Между мно-

⁽¹⁾ Опис. Докум. и Дѣлъ, стр. 42, 51, 56, 109.

⁽²⁾ См. эти подписи въ концѣ Духовн. Регламента на стр. 30—31.

⁽³⁾ См. 1-ю стр. Дух. Реглам.

гими,—читаемъ въ именномъ указѣ объ учрежденіи духовной коллегіи,—по долгу богоданныя намъ власти, попеченьми о исправленіи народа нашего, и прочихъ подданныхъ намъ государствъ, посморя и на духовный чинъ, и видя въ немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти нашей возимѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще, толикая отъ него получивъ благопоспѣшества въ исправленіи какъ военнаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный Онъ, Судія, воспроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ него врученномъ приставленіи да не будемъ безотвѣтны. Того ради, образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ такъ и Новомъ Завѣтѣ благочестивыхъ царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго; и не видя лучшаго къ тому способа, паче соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, кому жъ не наслѣдственная власть, того ради вѣще небрегутъ,—устанавливаемъ духовную коллегію, то есть духовное, соборное правительство⁽¹⁾.

Самое понятіе о коллегіи регламентъ излагаетъ слѣдующими словами: „Коллегіумъ правительства нѣчто ино есть, токмо правительское собраніе, когда дѣла нѣкія собственныя не единому лицу, но многимъ, къ тому угоднымъ и отъ высочайшей власти учрежденнымъ, подлежатъ къ управленію“. Этотъ коллегіумъ можетъ быть временнымъ или постояннымъ учрежденіемъ для управленія встрѣчающихся дѣлъ, подобно тому, какъ церковный синагогъ въ ветхозавѣтной перкви въ Іерусалимѣ и гражданскій судъ ареопаговъ въ Аѳинахъ⁽²⁾.

(1) П. С. П. и Р., стр. 1.

(2) Дух. Регл., стр. 3.

Учрежденіе подобнаго коллегіума для дѣлъ духовныхъ могло показаться новостію, способною породить въ современникахъ много недоразумѣній и возраженій. Въ видахъ предупрежденія и разсвѣянія этихъ недоумѣній и возраженій, духовный регламентъ и распространяется о причинахъ сего учрежденія: „Да не возмнитъ же кто, что сіе управленіе не угодно есть, и лучше бы единому лицу дѣла духовныя всего общества править, якоже частныхъ странъ, или епархій дѣла управляютъ вѣждо особъ епископы. Предлагаются здѣ важныя вины, которыя показываютъ, что сіе правленіе соборное, всегдашнее, и аки всегдашній синодъ, или синагогъ, совершеннѣйшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче же въ государствѣ монаршескомъ, якое есть наше руссійское“ (1). Самыя причины учрежденія этого совершеннѣйшаго и лучшаго правительства регламентъ указываетъ въ слѣдующемъ:

а) „извѣстнѣе бо взыскуется истина соборнымъ словіемъ, нежели единымъ лицемъ, древнее пословіе есть греческое: „другіе помыслы мудрѣйшіе суть, паче первыхъ, то кольми паче помыслы многіе о единомъ дѣлѣ разсуждающіе, мудрѣйшіе будутъ, паче единого. Случается, что въ нѣкоей трудности усмотритъ тое чловѣкъ простой, чего не усмотритъ чловѣкъ книжный и остроумный“.

б) При истинности, благодаря означенному обстоятельству, соборныя опредѣленія имѣютъ и большій авторитетъ: „понеже вѣщше къ увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ... аще единъ что уставляетъ, могутъ противницы

(1) Ibid.

единымъ лица его оклеветаніемъ силу уставленію его отъяти, чего не такъ возмогуть, гдѣ отъ соборнаго словія опредѣленіе происходитъ“.

γ) „все сіе имѣетъ особенно мѣсто въ томъ случаѣ, когда коллегіумъ правительское подъ Державнымъ Монархомъ есть и отъ монарха уставлено. Явѣ бо здѣ, что коллегіумъ не есть нѣкая факція тайнымъ и на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но на доброе общее“.

δ) „въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка за случающимися правителю необходимыми нуждами, и за недугомъ и болѣзнію, а когда въ живыхъ не станетъ его, то и паче пресѣщаются дѣла. Инако въ правленіи соборномъ, не присутствующу единому, еще бы и первѣйшему лицу, дѣйствуютъ другіе, и дѣло идетъ непрестаннымъ теченіемъ“.

ε) „въ коллегіумъ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду... Особенно, когда коллегіумъ состоитъ въ таковыхъ лицахъ, которымъ отнюдь невозможно тайно всѣмъ слагаться, сіе есть, еще будутъ лица разнаго чина и званія: епископы, архимандриты, игумены и отъ властей бѣлаго священства“.

ς) „коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію, не тако бо, яко же единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится; понеже и причины проискивать на многихъ, а еще разностатейныхъ особъ, не тако удобно есть, яко на единого человѣка“.

ζ) „отъ соборнаго правительства не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковыя происходятъ отъ единого собственнаго правителя духовнаго“. Регламентъ съ особенною обстоятельностью раскрываетъ это основаніе и, въ заключеніе, говоритъ: „нѣсть здѣ и на самомъ президентѣ великой и народъ удивляющей славы,

нѣсть лишней свѣтлости и позора, нѣсть высокаго о немъ мнѣнія, не могутъ ласкатели безмѣрными похвалами возносить его“.

2) „и сіе угодіе церкви и государству отъ такового соборнаго правительства будетъ, что въ немъ не токмо единъ нѣкто отъ сосѣдителей, но и самъ президентъ, или предсѣдатель подлѣжати имать суду своей братіи, то есть тому же коллегіумъ, аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ, не такъ какъ дѣется, гдѣ единъ самовластный Пастырь владѣеть; ибо онъ не похощеть отъ подручныхъ себѣ епископовъ судитися. Аще же бы къ тому и принужденъ былъ, то обаче въ народѣ простомъ, правосудія не вѣдущемъ и слѣпо разсуждающемъ, таковой судъ былъ бы подозрительный и поношенію подверженный. Отъ чего дѣется, что на злого такового единовластителя нужда есть созывать соборъ вселенскій, что и съ великою всего отечества трудностію и съ немалымъ изживеніемъ бываетъ и въ нынѣшнія времена (вслѣдствіе турецкаго владычества на востокъ) отнюдь мнитися быти невозможно“.

3) Наконецъ „въ такомъ правительствѣ соборномъ будетъ аки нѣкая школа правленія духовнаго, ибо отъ сообщенія многихъ и различныхъ разсужденій, и совѣтовъ и доводовъ правильныхъ, яковыхъ частыя дѣла требуютъ, всякъ отъ сосѣдителей удобно можетъ поучитися духовной политики, и повседневымъ искусствомъ навыкнути. какъ бы лучше домъ Божій управить возмогъ“ (1).

Настоящія причины направлялись къ тому, чтобы до наглядности объяснить благотѣльную замѣну пат-

1) Дух. Регл. стр. 3—5, гдѣ означенныя причины подробно изложены.

ріаршаго управленія коллегіальнымъ, съ очевидностію показать превосходство соборнаго управленія дѣлами церкви сравнительно съ единоличнымъ. Достигали-ли сего настоящія причины на самомъ дѣлѣ—объ этомъ предоставляемъ судить читателямъ. Только въ указанныхъ причинахъ живо также отсвѣчивали основные мотивы и соображенія реформы, которую Петръ I-й рѣшился произвести въ духовномъ вѣдомствѣ. Объяснимся.

Въ государствѣ всѣ реформы Петра, главнымъ образомъ, направлялись съ одной стороны къ тому, чтобы распространить вездѣ и утвердить всюду торжество государственнаго начала и порядка, съ другой къ тому, чтобы поддержать и узаконить идеи собственнаго, монаршаго абсолютизма. Первому направленію реформы соотвѣтствовало то стремленіе, чтобы образовать изъ всѣхъ своихъ подданныхъ такой общественный союзъ, въ которомъ бы члены всѣхъ сословій, сознавая свое гражданское единство, свою территоріальную отдѣльность, сообща служили своимъ совокупнымъ выгодамъ, закономъ и указаніями назирающей за всѣмъ въ государствѣ власти призывались неуклонно исполнять тѣ обязанности, которыя наложены на каждаго его собственнымъ званіемъ, исполненіе которыхъ нужно и для общей пользы государства. Это стремленіе, въ смыслѣ предначертанія, можно назвать исходнымъ пунктомъ и начальною цѣлю всѣхъ реформъ и преобразованій Петра Великаго, всѣхъ его правительственныхъ предпріятій и распоряженій: осуществленіемъ именно этого стремленія и было устроено государство, какъ такого общественнаго организма и учрежденія, въ которомъ всѣ лица, будучи связаны семейными и родовыми узами, спланивались еще сословно юридическими и общественными

отношеніями, становившись однимъ цѣлымъ съ сознательнымъ стремленіемъ къ общему благоденствію. Петръ желалъ и требовалъ, чтобы всѣ сословія въ обществѣ и каждое его лице, подъ отвѣтственностію предъ написаннымъ для нихъ закономъ, подъ страхомъ взысканій со стороны верховной власти, исполняли свои обязанности и несли свои отдѣльные труды на общую пользу всего государства. Осуществленіе идеи и цѣлей государства, въ смыслѣ заботы объ общемъ благѣ спокойствіи и безопасности, никогда не оставляло Петра, какъ преобразователя, и заставило его спокойно принести въ жертву старинные обычаи общежитія, вѣковыя привычки подданныхъ, принести въ жертву свое спокойствіе, свои силы. Для сохраненія и торжества тѣхъ же идей онъ приступилъ къ преобразованію и церковнаго вѣдомства.

Но, смотря на всѣ свои преобразованія съ точки зрѣнія государственнаго расчета, преслѣдуя всюду торжество государственнаго начала, Петръ Великій въ то же самое время, не отрѣшался и отъ идей централизаціи, осуществляемыхъ въ государствѣ правами самодержавнаго и неограниченнаго монарха. Проведеніе этихъ идей соотвѣтствуетъ другому направленію реформы. Во всѣхъ статутахъ своей руки и установленіяхъ своей воли Петръ дѣйствительно проводитъ начала безпрекословнаго повиновенія своей власти. „Монарховъ власть есть самодержавная, которымъ повиноватися Самъ Богъ повелѣваетъ за совѣсть. Се же наипаче сильно есть, когда Коллегіумъ правительское подъ монархомъ есть и отъ монарха уставлено“ (1). Мысль и намѣренія Самодержца, по основному взгляду Петра, должны обу-

(1) Дух. Регл., стр. 4, п. 2—3.

словливать, проинкать и узаконять всё государственныя установленія; согласіемъ съ этими мыслию и на мѣреніями должны свидѣтельствоваться: совершенство и безукоризненность административныхъ отпращеній и распоряженій во всемъ государствѣ. Отожествленіе личныхъ выгодъ, какъ Монарха, съ общеою пользою государства, какъ совокупности подданныхъ; объявленіе дѣйствій собственнаго правосудія обязательнымъ закономъ для всѣхъ членовъ въ государствѣ, повѣрка государственныхъ нуждъ и цѣлей собственными воззрѣніями, разрѣшеніе собственныхъ желаній въ выгодахъ и благоденствіи государства: вотъ что, по нашему мнѣнію, составляетъ отличительную суть взгляда Петра I-го на смыслъ и положеніе правящей государствомъ, Монархической власти.

Но утвержденіе собственно въ государствѣ требованій государственнаго начала и утвержденіе въ немъ идей монархической, неограниченной власти, очевидно должны были проявиться и отобразиться и въ Церкви сколько вообще по тѣсной ея связи съ государствомъ, столько въ частности по близкой аналогіи тогдашняго ея быта съ прежнимъ общегосударственнымъ устройствомъ. Какъ въ государствѣ до Петра, именно въ основѣ его устройства, лежали родовыя и общинныя отношенія, дѣйствовали владѣльческое и вотчинное начала съ прибавкою выборнаго, такъ подобныя же отношенія и тѣже самыя начала можно наблюдать и въ вѣдомствѣ Церкви того времени. У Церкви также были свои служилые и вотчинные люди, свои особыя земли и угодья, ставившія ея представителей въ положеніе большихъ домохозяевъ и собственниковъ; былъ свой отдѣльный судъ, захватывавшій даже многія гражданскія дѣла;

было стройно организованное, особое вѣдомство, дѣлавшее Церковь, по выраженію Духовнаго Регламента „другимъ, лучшимъ государствомъ“. Лице московскаго патріарха, обставленное всѣми преимуществами верховной въ Церкви власти, представляло собою высшаго правителя и судію этого другаго государства, и названо въ томъ же Регламентѣ, „вторымъ государемъ, Самодержцу равносильнымъ, или и больше его“. Подобное разширеніе вѣдомства Церкви и ея автономія приписались прямо не по душѣ Петру, который хотѣлъ видѣть вездѣ и всюду присутствіе одной, все объединяющей, идеи государства и централизующихъ правъ его правителя. Поэтому Петръ и рѣшился какъ уничтожить самое это государство, чтобы составныя его части внести въ общій организмъ государства, такъ и покончить съ самымъ правителемъ этого государства, дѣйствовавшимъ отдѣльно отъ власти монарха. Дѣйствительно, во имя государственнаго расчета и пользы, Петръ своими реформами потребовалъ отъ Церкви извѣстныхъ уступокъ, клонившихся прямо къ сокращенію ея вѣдомства, къ ограниченію ея самостоятельности; въ удовлетвореніе правамъ самодержавной, неограниченной власти монарха онъ пожелалъ замѣны единоличнаго, патріаршаго управленія коллегіальнымъ, соборнымъ. Во всѣхъ церковныхъ реформахъ Петръ дѣйствовалъ такъ, какъ научали его дѣйствовать: личныя его воззрѣнія на государство, личныя понятія о верховныхъ, неограниченныхъ правахъ его правителя. Учрежденный, такимъ образомъ, Петромъ Великимъ синодъ былъ учрежденъ сколько по требованіямъ лучшаго и совершеннѣйшаго порядка въ управленіи церковными дѣлами, столько же, если еще не главнымъ образомъ, по желанію удовле-

творить цѣлямъ государственнаго абсолютизма. „Народъ нашъ, говорится въ Регламентѣ, не вѣдаетъ, какъ разнствуеть власть духовная отъ самодержавной: но великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и болѣе его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако уместовати обыкль... Тако простые сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ либо дѣлѣ смотреть. И, когда услышится иѣбая между оными распрія, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ и за него поборствовать и бунтоватися дерзають. Таковому же въ народѣ мнѣнію весьма ради и не простые, но коварные челоѣды. Чтожъ когда еще и самъ пастырь таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ спастъ не похощеть? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ. И не вымыслы то далъ Богъ, что бы о семъ домыслилися только мощно было, но самую вещь не единожды во многихъ государствахъ сіе показалося. Вникнуъ только въ исторію константинопольскую, никае іусиніановыхъ временъ, и много того покажется. Да и папа не инымъ способомъ толико превозмогъ, не точію государство римское поима пресѣче и себѣ великую честь похити, но и иныя государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе. Да не вспомнянутъ подобныя и у васъ бывшіе замахы!⁴ (1).

Ясно, что не благонамѣреннымъ, необходимымъ, государственнымъ совѣтникомъ, какъ нѣкогда набож-

(1) Дух. Регл., стр. 4—5.

ному Θεодору Іоанновичу и его современникамъ, хлопотавшимъ объ учрежденіи патріаршества, но излишнимъ неумѣстнымъ, даже ужасающимъ призракомъ казался расчетливому Петру образъ патріарха, облеченнаго во всеоружія церковныхъ правъ и преимуществъ, украшеннаго духовнымъ величіемъ, любовію и уваженіемъ народа. Тѣнями по душѣ Петра пробѣгали его досужія представленія о томъ, сколько вреда государству и его монарху можетъ нанести лице патріарха, при всеобщемъ къ нему довѣріи, послушаніи и покорности. Преимущественно эти представленія, озаряемыя идеями монархизма, побудили Петра покончить съ патріаршествомъ, покончить во имя безусловнаго торжества государственной власти. „Соборное правительство монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ уставленное“ (1) замѣнило такимъ образомъ патріарха.

Замѣнившее патріарха, духовное collegіумъ, по Регламенту, должно было состоять изъ 12 членовъ, избранныхъ изъ лицъ разнаго чина: трехъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, „сколько котораго чина достойныхъ сыщется“. Всѣ ови, подобно членамъ другихъ государственныхъ collegій, носили одинаковыя съ ними названія: первый президента, двое вице-президентовъ, четыре совѣтника и четыре ассессоровъ (2). Для большей свободы дѣйствій и независимости убѣжденій, архимандриты, игумены и протопопы, засѣдавшіе въ collegіумѣ, на время ихъ засѣданія здѣсь, должны быть освобождены изъ подъ власти ихъ архіерея, если и послѣдній вмѣстѣ съ ними также засѣдалъ въ Синодѣ, „ибо таковой архиманд-

(1) Дух. Регл., стр. 5 въ концѣ 7 пункта.

(2) Имен. указъ, стр. 2.

рить, или протопопъ будетъ непрестанно наблюдать, къ которой сторонѣ судимой преклоненъ есть епископъ его, къ той и тотъ архимандритъ и протопопъ преклоненъ будетъ. и такъ двѣ или три особы будутъ уже единъ человекъ“. Президентъ, какъ имѣющій подлежать суду тойже коллегіи, „аще бы въ чемъ знатно погрѣшилъ“, долженъ имѣть одинъ и равный съ прочими голосъ (').

При вступленіи въ свое званіе всѣ члены духовной коллегіи обязывались дать присягу по установленной формѣ. Въ этой присягѣ они обѣщаются: „въ совѣтахъ и судахъ и всѣхъ дѣлахъ сего духовнаго, правительствующаго собранія, искать всегда самыя сущія истины и самыя сущія правды, и дѣйствовать вся по написаннымъ въ духовномъ регламентѣ уставамъ“; принимать „и впредь согласіемъ сего духовнаго правительства и соизволеніемъ царскаго Величества“ опредѣленныя узаконенія; во всемъ „дѣйствовать по совѣсти, не рабѣнствуя лицепріятію,... никаковыми же плѣняяся страстями, но со страхомъ Божиимъ, съ искреннею Бога и ближняго любовію, во славу Божию, на спасеніе душъ человѣческихъ и созиданіе всей церкви Божіей“. Клянутся „во всякомъ дѣлѣ сего правительствующаго собранія, яко въ дѣлѣ Божіемъ, ходити безлѣпно, со всякимъ прилежаніемъ, по крайней силѣ, пренебрегая всякія угодія и упокоенія“; во всѣхъ недоумѣніяхъ „искать уразумѣнія и вѣденія отъ священныхъ писаній, и правилъ соборныхъ и согласія древнихъ великихъ учителей“. Даютъ присягу „быть добрыми, вѣрными и послушными рабами и подданными“

(') Дух. Регл., стр. 27, п. 1, 2 сначала III-й части.

(2) Имен. указъ, стр. 2.

Государя и назначенныхъ отъ него его наслѣдниковъ; „предостерегать и оборонять“ всѣ права и преимущества, принадлежащія Самодержавной Его Величества власти; всемѣрно споспѣшествовать во всемъ, „что къ Его Величества вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касатися можетъ. О ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допускать“; хранить тайны, касающіяся пользы Его Величества, или церкви, и не объявлять ихъ безъ повелѣнія. Здѣсь же исповѣдуютъ съ клятвою „крайняго Судію Духовныя сея коллегіи быти самаго Всероссійскаго Монарха, Государя всемилостивѣйшаго“. Въ заключеніе удостовѣряютъ клятвою съ цѣлованіемъ Креста и Евангелія, что все, въ чемъ они обѣщаются и присягаютъ „не иначе толкуютъ въ умѣ, яко провѣщаваютъ устнами“ ('). До очевидности ясно, что присягающіе по такой присягѣ, съ одной стороны, клянутся въ ненарушимости нравственныхъ обѣтовъ, налагаемыхъ на нихъ долгомъ членовъ высшаго правительства церкви, съ другой—присягаютъ въ исполненіи законныхъ обязанностей, предписываемыхъ имъ званіемъ управителей существующаго въ государствѣ административнаго учрежденія.

Заступившее мѣсто патріарха, верховнаго правителя церкви, духовное коллегіумъ становилось также высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ по управленію дѣлами духовными. „Повелѣваемъ, писалось въ указѣ объ учрежденіи духовной коллегіи, веѣмъ вѣрнымъ нашимъ всякаго чина, духовнымъ и мірскимъ, имѣть сіе за важное и сильное правительство, и у него

(') Подроб. см. въ присягѣ при Дух. Регл., стр. 2—3.

крайнія дѣла духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться и указовъ его слушать во всемъ, подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ“ (1). Епископамъ давалось особенное внушеніе на сей предметъ: „Да вѣсть всякъ епископъ, каковъ онъ не есть степенемъ, просто ли епископъ, или архіепископъ, или митрополитъ, что онъ духовному коллегіумъ, яко верховной власти, подчиненъ есть, указовъ онаго слушать, суду подлежать и опредѣленіемъ его доволаться долженъ“ (2).

Наслѣдуя высшія права и преимущества для обсужденія дѣйствій всѣхъ лицъ въ государствѣ, духовное коллегіумъ, въ отношеніяхъ къ верховной, государственной власти, должно было приравняться всѣмъ прочимъ коллегіямъ государства, подлежать всегдашнему надзору этой власти и быть органомъ постановленій и распоряженій, одобренныхъ ея соизволеніемъ. „Должна есть коллегія сія, говоритъ именной указъ объ ея учрежденіи, и новыми впредь правилами дополнять регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разныя разныя дѣла случаи; однакожъ дѣлать сіе должна коллегія духовная не безъ нашего соизволенія“ (3).

Какъ особое въ государствѣ, церковное правитель-ство, духовная коллегія обязывается регламентомъ прилежно и непрестанно наблюдать „еже на пользу церкви, да вся по чину бывають, и да не будутъ нестрое-нія“ (4). Это общее наблюденіе касается въ частности: I) дѣлъ вѣры и благочестія, II) жизни и поведенія хри-

(1) Въ Пмен. указъ при Дух. Регл., стр. 1.

(2) Дух. Регл., стр. 15, п. 13.

(3) Пмен. указъ при Дух. Регл., стр. 1, см. присягу, стр. 2.

(4) Дух. Регл., стр. 3.

стіанъ и III) всего церковнаго управленія и благоустройства.

1) Въ отношеніи къ дѣламъ вѣры и благочестія, духовная коллегія наблюдаетъ: „все ли правильно и по закону христіанскому дѣется и не дѣется ли что и гдѣ закону оному противное“ (1). Для исполненія сей общей цѣли на ея обязанности лежитъ:

α) „разсматривать вновь сложенные и слагаемые акаѳисты и иные службы и молебны... суть ли оная сложенія Писанію священному согласная, и не имѣютъ ли нѣчто въ себѣ слову Божию противное, или хотя нѣчто непристойное и празднословное“ (2). Также обязанность духовной коллегіи и въ отношеніи къ появляющимся вновь богословскимъ сочиненіямъ (3).

β) „опредѣлять, чтобы оныя моленія, хотя бы и прямые были, однакожъ не суть всякому должныя, и по воли всякаго на единѣ, а не въ соборѣ церковномъ употреблять оныхъ можно, дабы по времени не вошли въ законъ и совѣсти бы человѣческой не отягощали“ (4).

γ) „смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія чего не было, или и христіанскому ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти, и таковыя повѣсти обличить и запрещенію предать съ объявленіемъ жи въ оныхъ обрѣтаемой“. Регламентъ при этомъ указываетъ на извѣстное житіе Евфросина псковскаго, именно на заключающееся въ немъ заблужденіе о сугубой аллилуіи (5).

(1) Ibid., стр. 6.

(2) Ibid., стр. 6, п. 1.

(3) См. ibid. 27, п. 3.

(4) Ibid., стр. 6, п. 2.

(5) Ibid., п. 3.

б) „о мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся быть сумнительными, розыскивать—много бо и о семъ напутано“. Также поступать и въ томъ случаѣ: „аще пройдетъ въ слухъ видѣніе чіе, или чудотвореніе (1).

в) „о иконахъ святыхъ смотрѣть того, что въ обществѣ поставленныхъ епископовъ написано“ (2).

г) „наблюдать, чтобы какъ дѣлалось, впредь бы того не было: понеже сказуютъ, что нѣцыи архіереи для вспоможенія церквей убогихъ, или новыхъ построеній, повелѣвали проискывать явленія иконы въ пустынѣ, или при источницѣ, и икону оную за самое обрѣтеніе свидѣтельствовали быти чудотворною“ (3).

II) Въ отношеніи въ жизни и поведенію христіанъ, духовная коллегія печется: „аще довольное христіанамъ наставленіе употребляется“. Регламентомъ предписывается здѣсь:

а) „прилежно розыскивать вымыслы, которые челоувѣка въ недобрую практику, или дѣла ведутъ и образъ ко спасенію лестный предлагаютъ“. При этомъ регламентъ указываетъ на нѣкоторые предосудительные обычаи, какъ-то: на празднованіе пятницы, на постъ „въ дванадцать нѣдѣль именныхъ пятницъ“, на преимущественное — предъ всѣми прочими церковными службами—посѣщеніе общины благовѣщенской, утрени воскресенской, и вечерни пятидесятницы, на преданіе, будто

(1) Дух. Регл., стр. 28, п. 4.

(2) Ibid., стр. 7, п. 7. Въ означенномъ обществѣ повелѣвается смотрѣть „дабы св. Иконы не боготворили, и имъ ложныхъ, вымышленныхъ чудесъ не приписывали, чтобы тѣмъ не дѣлалось вреда истинному благочестію и иномыслящимъ не подано было повода къ повошенію на православныхъ, но почитать иконы, какъ изображается въ опредѣленіи VII Вселенскаго Собора, см. Догматы сего собора о Иконопочитаніи въ Книгѣ Правилъ.

(3) Ibid., стр. 7, п. 8, см. стр. 9, п. 8.

погребенный въ кіево-печерскомъ монастырѣ будетъ спасенъ, хотя бы онъ умеръ безъ покаянія (¹).

β) розыскивать о непотребныхъ и вредныхъ церемоніяхъ, подобныхъ той, что „въ малой россіи въ полку стародубскомъ, въ день уреченный, праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдастъ народъ съ дары и съ упованіемъ нѣкоей пользы“, что „на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ и вѣтви онаго дуба попь народу раздастъ на благословеніе“ (²).

γ) Заботиться объ обученіи народа. Регламентъ съ особенною обстоятельностью распространяется объ этой обязанности. Сказавъ о необходимости пастырскаго наставленія, Регламентъ продолжаетъ: „понеже мало есть противъ толкаго россійской церкви многонародія, таковыхъ пресвитерей, которые наизусть могли проповѣдать догматы и законы св. Писанія: то всеконечная нужда есть имѣти краткія и простыми человекомъ вразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть“. Такихъ книжицъ Регламентъ предполагаетъ три: „первую о главнѣйшихъ, спасительныхъ догматахъ вѣры нашей, такожъ и о заповѣдехъ Божіихъ, въ десяти словіи заключенныхъ; вторую — о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью такую, въ которой собранныя будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ, и собственно о должностныхъ всякаго чина“. Первая и вторая книжицы должны быть

(¹) Ibid., стр. 6, н. 4.

(²) Ibid., стр. 7, н. 5.

составлены на основаніи св. Писанія, третья—извлечена изъ твореній св. отцевъ, приноровительно къ содержанію двухъ первыхъ. Чтеніе двухъ первыхъ должно быть предлагаемо по частямъ и по очередно въ воскресные и праздничные дни на утрени; чтеніе третьей книжицы на обѣдни о томъ же самомъ предметѣ, о которомъ было читано на утрени; такъ чтобы всѣ три могли быть однажды прочитаны въ четверть года. Первую и вторую книжицу могли учить и дѣти, „изъ начала своего букварнаго ученія“ (1).

д) наблюдать за подаваніемъ милостыни. Развивая обязанность духовной коллегіи касательно сего предмета, регламентъ старается, съ одной стороны, установить правильный взглядъ на подаваніе милостыни, съ другой, обличить тѣ грустные злоупотребленія, къ которымъ прибѣгали „здравіи, но лѣнивіи прошаки“. Отказываясь отъ собственнаго труда, „они „нахальствомъ и лукавымъ смиреніемъ чуждые труды поядали... сочиняли нѣкая безумная и душевредная пѣнія, и оная съ притворнымъ стечаніемъ предъ народомъ пѣли и простыхъ невѣждъ еще вящше обезумливали, пріемля за то награжденіе себѣ“. Относительно частныхъ поступковъ этихъ людей регламентъ замѣчаетъ: „По дорогамъ, гдѣ угодно видятъ, разбиваются; зажигатели суть; на шпіонство отъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ подражаются; клеветуютъ на властей высокихъ, и самую власть верховную злѣ обносятъ, и простой цародъ къ презорству властей преклоняютъ; младенцемъ своимъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ и иные чины развращаютъ, чтобы были прямые нищіе и милосердія достойные... Надлежитъ убо великая должность духовному Коллегіумъ

(1) Дух. Регл., стр. 7—8.

прилѣжно о семъ думать и совѣтовать, каковымъ бы лучшимъ способомъ зло сіе искоренить и добрый чинъ милостыни опредѣлить“ (1).

е) вѣдать и разбирать дѣла о раскольникахъ и еретикахъ, которыхъ регламентъ вообще велитъ отсылать въ духовную коллегію (2). Касательно розыска тайныхъ раскольниковъ онъ даетъ слѣдующее наставленіе: „доношеніе подаетъ епископъ въ духовную коллегію на мірскаго господина не просто, что у него раскольники обрѣтаются, но что господинъ тотъ сильно не допускаетъ священнику прихода онаго, или и посланнымъ архіерейскимъ, сыскивать и обличать раскольниковъ, въ отчинѣ его пребывающихъ, и именовани будутъ въ доношеніи достовѣрные свидѣтели того. А Коллегіумъ, слушавъ свидѣтелей, напишетъ увѣщательнѣе ко оному господину, чтобы попустилъ свободно сыскивать раскольниковъ въ своей отчинѣ. И буде послушаетъ господинъ, то его больше не утруждать; буде же преслушаетъ, то и самъ дѣломъ о себѣ засвидѣтельствуетъ, что онъ раскольниковъ заступникъ есть, и тогда коллегіумъ приступить къ духовному его наказанію всѣмъ тѣмъ порядкомъ, какъ писано о анаѣмѣ“ (3).

III. Въ отношеніи ко всему церковному управленію и благоустройству:

а) Первою и главною обязанностію духовнаго правительства предписывается, „вѣдать кія суть должности и всѣхъ обще христіанъ и собственно епископовъ, пресвитеровъ съ прочими церковными служителями, монаховъ, учителей и учащихся, такожь и мірскихъ лицъ,

(1) Дух. Регл., стр. 28—29, п. 12.

(2) Ibid., стр. 28, п. 5, стр. 23, п. 3.

(3) Ibid., стр. 25, п. 5, см. стр. 11, п. 16.

поелику они наставленія духовнаго участницы суть, и наблюдать аще всякъ въ своемъ званіи пребываетъ, а погрѣшающихъ наставлять и показывать“ (1).

б) Свидѣтельствовать производимыхъ на архіерейство: „не суть ли суевѣрцы, ханжи, святокупцы, гдѣ и какъ жили, допросить бы свидѣтельствомъ отъ чего богатство имѣютъ, если кто таковой окажется“ (2).

в) Принимать и разбирать жалобы всѣхъ на суды епископовъ, если кто оными недоволенъ: въ дѣлахъ о недоумѣнныхъ бракахъ, искахъ о разводѣ; жалобы клира или монастыря на обиды нанесенныя имъ ихъ епископомъ; также взаимныя жалобы епископовъ другъ на друга“ (3).

г) наблюдать „кто и какъ владѣетъ землями церковными, и куды на что хлѣбъ и пробыли аще кіа суть денежныя издерживаются; и если кто церковные пожитки похищаетъ воровски, духовное collegіумъ наступать на онаго и на немъ похищеннаго доправлять долженствуетъ“ (4).

д) выслушивать жалобы отъ епископовъ и меньшихъ служителей церковныхъ, которые терпятъ обиды отъ вѣскаго сильнаго господина, и своимъ ходатайствомъ „просить для нихъ скоро управы, гдѣ надлежитъ“ (5).

е) „отвращать священство отъ симоніи и безстуднаго нахальства“. Полезною для сего мѣрою регламентъ предлагаетъ то, чтобы уравнивать число дворовъ въ приходахъ и назначить опредѣленный съ каждаго изъ нихъ сборъ въ пользу причтовъ (6).

(1) Ibid., стр. 27, п. 1.

(2) Ibid., стр. 28, п. 7.

(3) Ibid., стр. 28, п. 8, см. стр. 15, п. 13—14.

(4) Ibid., стр. 28, п. 9, см. стр. 10, п. 12.

(5) Ibid., стр. 28, п. 10.

(6) Ibid., стр. 29, п. 13.

г) разрѣшать, когда потребуется, недоумѣнные падежи совѣсти и всѣ другія сомнительныя дѣла по церковному управленію (1).

д) Заботиться о прекращеніи худыхъ и вредныхъ обычаевъ, вошедшихъ въ церковную практику отъ лѣности клира, какъ то: „пѣть церковныя службы и молебны двоегласно, и многогласно, давать отсутствующимъ лицамъ молитвы въ шапку посланныхъ отъ нихъ“ (2).

ж) свидѣтельствовать вмѣстѣ съ юстицъ—коллегіею духовныя завѣщанія знатныхъ особъ (3).

Легко понять, что изложенный нами перечень представляетъ собою скорѣе инструкцію, которою опредѣляются занятія новоучрежденной духовной коллегіи, какъ особаго, среди другихъ, правительственнаго учрежденія въ государствѣ, а не указаніе тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя по существу принадлежать духовной коллегіи, какъ самостоятельному правительству церкви, и которыми она свободна пользоваться для духовныхъ цѣлей церкви и нравственныхъ нуждъ государства. Легко усмотрѣть, что единство петровской реформы, какъ отличительная ея черта, сказалось и здѣсь очевидными слѣдствіями. Какъ самое учрежденіе духовной коллегіи было слѣдствіемъ вліянія идей государства на вѣдомство церкви: такъ точно и занятія, указанныя этой коллегіи, стоятъ близко къ выгодамъ государства. Власть послѣдняго, чрезъ духовную коллегію, какъ бы намѣренно пользуется властію церкви для своихъ ближайшихъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ, духовная коллегія, по регламенту, должна усмирить свою дѣятельность

(1) Ibid., стр. 28, п. 6.

(2) Ibid., стр. 7, п. 9, 10.

(3) Ibid., стр. 28, п. 13.

на устройство нравственныхъ сторонъ жизни русскаго общества, должна заняться уничтоженіемъ гнѣздившихся въ немъ остатковъ язычества, также суевѣрій и предрассудковъ. Но извѣстно, что реформа Петра прежде всего встрѣтила сначала глухой ропотъ, а потомъ и открытый протестъ со стороны людей стараго закона, старинныхъ понятій и нравовъ; ихъ прежде всего, для успѣха реформы, нужно было обезоружить и уничтожить. Власть духовной коллегіи, какъ власть самой церкви, представляла собою надежное средство къ тому, чтобы съ успѣхомъ бороться съ заблужденіями этихъ людей и противодействовать имъ. Государство пользуется этою властію, обязывая ее чуть не къ полицейскому розыску и преслѣдованію виновныхъ; на руки церковной же власти государство заботится сдать и другой классъ людей, столько для него тягостныхъ, разумѣемъ бѣдныхъ, жившихъ подаваніями и милостынями на общій счетъ государства. Основнымъ мотивомъ подобнаго распоряженія въ регламентѣ, прежде всего выставлены государственныя соображенія: „сколько тысячъ въ Россіи обрѣтается лѣннихъ таковыхъ прошаковъ, толикожъ тысящъ не дѣлаютъ хлѣба, и потому нѣтъ отъ нихъ приходу хлѣбнаго... Хватать бы таковыхъ всюду и къ дѣламъ общимъ приставлять“? (1) Подобныя соображенія просвѣчиваютъ и въ другихъ распоряженіяхъ Духовнаго Регламента. Справедливо, что всѣ эти распоряженія о занятіяхъ духовной коллегіи суть распоряженія о дѣйствительныхъ нравственныхъ недостаткахъ жизни, которыя старая Русь завѣщала новой, и которые, очевидно, требовали исправленія; но нельзя отвергать того, что мѣры къ пресѣченію этихъ недостатковъ указы-

(1) Регл., стр. 28—29.

ваются преимущественно по инициативѣ государства и въ видахъ государственной власти, такъ что чувствуется достаточное основаніе думать, что власть Церкви какъ бы становилась служебнымъ органомъ власти государства въ достиженіи указываемыхъ ею цѣлей, что правительство церковное, приравниваясь прочимъ административнымъ установленіямъ государства, обязывалось соображать свою дѣятельность съ пользою и нуждами послѣдняго. По крайней мѣрѣ такое направленіе дѣятельности церковнаго правительства составляетъ главную черту отличія новаго управленія, получившаго начало при Петрѣ, отъ древней администраціи русской Церкви. каковою она является въ періодъ все-россійской митрополіи и московскаго патріаршества.

II.

Въ отношеніи къ епархіальному, или епископскому управленію русской церкви, узаконенія Духовнаго Регламента не предлагаютъ новыхъ, особенныхъ перемѣнъ, которыя сами собою подразумѣвались въ общей, капитальной реформѣ, произведенной въ церковномъ вѣдомствѣ и управленіи. Регламентъ заботится только прояснить обязанности, занятія и характеръ дѣятельности епископовъ въ означенномъ нами направленіи. До очевидности ясно, что Регламентъ не только мало довѣряетъ образованію духовныхъ пастырей; но и не довольствовался ихъ приѣмами по епархіальному управленію. Онъ предлагаетъ и, нужно сказать, очень безцеремонно, нѣкоторыя регулы, которыми епископы обязываются изучить для себя „соборы селенскіе и помѣстные“, неопустительно прилежать управленію собственной епархіи, заботиться объ образованіи духовнаго юноше-

ства „въ надежду священства“, быть кроткимъ и осмотрительнымъ въ употребленіи своей власти при наложеніи церковныхъ епитимій и особенно церковной анафемы, посѣщать свою епархію для непосредственнаго надзора за ея благосостояніемъ. Характерность этихъ регулъ, проясняющихъ взглядъ новаго, отечественнаго законодательства на административныя права и власть епископовъ, дѣлаетъ болѣе близкое ознакомленіе съ ихъ содержаніемъ не излишнимъ.

„Должны суть епископи. говорить Регламентъ, имѣть всякъ у себе соборы селенскіе и помѣстные, и что въ оныхъ заповѣдано, какъ ихъ же самихъ чину, такъ и всему клиру должное, знать гораздо“. Особенно же „должны знать степени однородства и сродства, и каковыя могутъ вмѣстить въ себѣ супружество, и каковыя не могутъ... А понеже та и другая должность не можетъ добрѣ знаема быть безъ прилежнаго чтенія, а будетъ—ли всякъ охотникъ ко чтенію неизвѣстно: того ради поданъ будетъ всѣмъ епископомъ отъ Коллегіумъ Духовнаго указъ, чтобы у всякаго при его трапезѣ чтеніе было каноновъ себѣ надлежащихъ“. Исключеніе допускается только для дней великихъ праздниковъ, на случаи посѣщенія гостей достойныхъ, или по другой уважительной причинѣ (¹).

Въ видахъ успѣшности епархіальнаго управленія Регламентъ предписываетъ епископамъ, „кромѣ обычныхъ домовыхъ управителей, опредѣлять къ дѣламъ нѣкоего умнаго и житіемъ честнаго мужа, архимандрита, или игумена, придавъ къ нему въ помощь нѣсколько и другихъ умныхъ чловѣкъ отъ монашескаго, или священническаго чина“. Особенно епископъ обязанъ дѣлать

(¹) Дух Регл., стр. 9, п 1—3.

сѣ, въ случаяхъ своего отсутствія изъ епархіи, или постигшей его тяжелой болѣзни, которая не позволяетъ ему самому управлять дѣлами епархіи. Организованное такимъ образомъ управленіе обязывалось съ отсутствующимъ епископомъ сноситься письменно, съ больнымъ словесно, въ случаяхъ сомнительныхъ писать къ Духовной Коллегіи. Если бы самъ епископъ, въ случаѣ неизлечимой своей болѣзни, или преклонной старости, не согласился „описаться къ Духовному Коллегіумъ“ объ увольненіи его отъ должности: то Регламентъ обязываетъ тоже самое управленіе сдѣлать это. Коллегія, по своему усмотрѣнію, или даетъ епархіи администратора, или новаго епископа (1).

Регламентъ поставяетъ каждому епископу въ обязанность имѣть въ своемъ домѣ, или при немъ, „школу для дѣтей священническихъ, или и прочихъ въ надежду священства опредѣленныхъ“. Разъясняя свое требованіе, Регламентъ продолжаетъ, что учителемъ школы долженъ быть избираемъ человекъ „умный и честный, который дѣтей училъ не токмо чисто, ясно и точно по книгамъ честь, но училъ бы честь и разумѣть“; что учениковъ, какъ тупыхъ, такъ и остроумныхъ, но развращенныхъ и упрямыхъ, непобѣдимой лѣности, „по довольномъ искушеніи“, слѣдуетъ отпускать изъ школы „отъявъ имъ всю надежду чина священническаго“; по получившихъ образованіе производить на священство и въ монашескій чинъ предпочтительно предъ неучившимися въ школѣ (2).

48

(1) Ibid., стр. 9, п. 5. 7. Въ настоящемъ распоряженіи Духовнаго Регламента можно видѣть начало послѣдующихъ и современныхъ духовныхъ консисторій.

(2) Ibid., стр. 10, п. 9—10.

Содержаніе учениковъ въ этой школѣ и снабженіе ихъ книгами должно быть даромъ, на счетъ знатнѣйшихъ монастырей и тѣхъ церквей епархіи, при которыхъ есть земли. Монастыри обязаны давать 20-й, а церкви 30-й процентъ всякаго хлѣба (1). Смотра по количеству собраннаго, такимъ образомъ, хлѣба, нужно было содержать число учениковъ въ школѣ съ потребнымъ количествомъ служителей. Содержаніе учителя, а также и жалованье ему Регламентъ указываетъ давать изъ архіерейской казны, по росписанію духовной коллегіи. Если бы епископы стали обременяться исполненіемъ этаго распоряженія и высказывать свое неудовольствіе: то Регламентъ предлагаетъ самую современную, по тогдашнимъ понятіямъ, мѣру: „лишнихъ служителей не держать, не нужныхъ, кромѣ доставляющихъ прибыль, строений не дѣлать, священныхъ одеждъ и обыкновеннаго платья „надѣ подобающею чести своей потребу“ не умножать (2).

Замѣчательно разсужденіе Регламента о правахъ и власти епископовъ. „Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своей и не высоко бы о ней мыслилъ, и дѣло убо великое, но честь никакая, почитай въ писаніи знатная опредѣлена“. Настоящую тему Регламентъ разъясняетъ примѣрами и мѣстами св. Писанія, гдѣ пастыри называются только служителями Воинны, и строителями Тайны его, и, съ усиленіемъ мысли, заключаетъ: „точію виѣшнее дѣло пастырское есть проповѣдати, настояти, запрещати благовременно и безвременно, и

(1) Какъ за сборомъ, такъ и расходомъ этого хлѣба, обязывался надсматривать самъ епископъ; а объ общихъ приходахъ и расходахъ должны быть отчетныя книги и въ Духовной Коллегіи. Ibid., п. 12, стр. 10.

(2) Ibid., стр. 10, п. 13.

обряды Таинъ св. строить“. Цѣль сего заключенія та, „чтобы укротить оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобы оныхъ подъ руки (донецъ же здрави) не вожено, и въ землю онымъ подручными братія не кланялись“; тѣмъ болѣе, что „оные поклонники самохотно и нахально стелются по земли, да лукаво, чтобы степень исходатайствовать себѣ недостойный, чтобы такъ неистовство и воровство свое покрыть“. Продолжая развивать свою мысль о достоинствѣ пастырства, какъ „посольства Божія“, Регламентъ настаиваетъ на своемъ, чтобы честь пастырямъ была оказываема „умѣренная, а лишняя и почитай царская да не будетъ, и умѣренной не самимъ пастырямъ искать и отъ подручныхъ истязовать, но свободно подаванною удовлетися“ (2).

На томъ же основаніи Регламентъ основываетъ и свое требованіе, чтобы „епископъ не былъ дерзокъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ въ употребленіи власти своей связательной, т. е. въ отлученіи и анаемѣ“. Достойными послѣдняго наказанія Регламентъ признаетъ тѣхъ, „кто явственно хулить имя Божіе, или св. Писаніе, или Церковь, или явно грѣшникъ есть, не стыдяся дѣла своего, но и паче тѣмъ чваняся, или безъ правильной вины покаянія и св. Евхаристіи больше году не пріемлетъ, или что-либо иное творить съ явнымъ закона Божія ругательствомъ и посяганіемъ“. Таковыя люди, по мысли Регламента, подлежатъ анаемѣ не просто за грѣхъ, а за явное и гордое презрѣніе суда Божія и церковной власти, за великій соблазнъ немощныхъ братій, ведущій къ безбожію“. Но и надъ виновными въ подобныхъ грѣхахъ людьми епископъ долженъ не вдругъ произносить анаему, а послѣ троскрат-

(1) Дух. Регл., стр. 11, а. 14. 15.

наго увѣщанія ихъ: сначала чрезъ духовнаго ихъ отца наединѣ, потомъ увѣщаетъ самъ епископъ лично, или чрезъ особую депутацію изъ духовныхъ и мірскихъ лицъ, преимущественно друзей увѣщаемаго, такимъ же порядкомъ и въ третій разъ. Когда всѣ означенныя старанія останутся безуспѣшными: въ такомъ случаѣ епископъ обращается къ рѣшительной мѣрѣ: онъ приказываетъ своему протодіакону, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, всенародно объявить виновнаго публичнымъ и нераскаяннымъ грѣшникомъ и увѣщавать всѣхъ, а особенно близкихъ къ нему людей молиться и заботиться объ его исправленіи до извѣстнаго времени, послѣ котораго, въ случаѣ неисправленія, онъ долженъ подпасть отлученію отъ Церкви. При безуспѣшности и этой мѣры, епископъ, не приступая къ окончательному анаѣматствованію виновнаго, обращается въ духовную коллегію, подробно описывая ходъ дѣла и испрашивая соизволенія: предать явнаго грѣшника церковной анаѣмѣ. Формула отлученія, образчикъ которой можно видѣть въ Регламентѣ ⁽¹⁾, прочитанная протодіакономъ въ Церкви, прибавляется къ дверямъ мѣстнаго, или и всякаго другаго храма въ епархіи, смотря по распоряженію духовной коллегіи. Если бы отлученный, вмѣсто принесенія истиннаго раскаянія, началъ бы пренебрегать положенною на него анаѣмою и сталъ бы пако-стить епископу, или причту: въ такомъ случаѣ епископъ чрезъ духовную коллегію ищетъ суда у гражданской власти, или у самаго царскаго величества ⁽²⁾.

Отлученію малому епископъ уполномочивается подвергать виновныхъ, „не описываясь къ духовному кол-

⁽¹⁾ На стр. 12.

⁽²⁾ Дух. Регл., стр. 11, п. 16.

легиумъ для созволенія“; но онъ обязывается дѣлать сіе „не по страсти, а съ прилежнымъ розыскомъ“; отлученному невинно дается право приносить на епископа жалобу духовной коллегіи. Малое отлученіе назначается „за великій и явный грѣхъ, но не самое большое явнотгрѣшеніе“. Оно состоитъ въ отлученіи отъ общенія съ правовѣрными, въ общихъ молитвахъ, въ запрещеніи входа въ храмъ Божій и въ удаленіи на нѣкоторое время отъ причащенія“ (1).

Для ближайшаго надзора за всѣхъ епархіальнымъ управленіемъ (2) и порядкомъ, Регламентъ предписываетъ епископу каждый годъ, или въ два года, посѣщать свою епархію съ соблюденіемъ слѣдующихъ регулъ:

α) Производить сіе посѣщеніе не зимою, а лѣтомъ, когда потребно меньше издержекъ на пріемъ епископа и его свиты: „не надобѣ сѣна, говоритъ Регламентъ, а дровъ мало треба, хлѣбъ, рыба, кормъ конской дешевле; и можетъ епископъ не далече отъ города, на полѣ, въ палаткѣ время перестоять, чтобы не трудить священства, или гражданъ квартирою, наипаче городъ убогій“.

β) Во время самаго посѣщенія, епископъ, совершивъ литургію, въ присутствіи градскихъ и сельскихъ пресвитеровъ, и отслуживъ благодарственный молебень, обязанъ сказать духовенству и народу приличное, назидательное слово и вызваться разрѣшить имъ недоумѣнія, смущающія ихъ умъ и совѣсть. Регламентъ

(1) Дух. Регл., стр. 13 на концѣ 16-го пункта.

(2) Въ составъ этого управленія Регламентъ ставитъ протопоповъ, или нарочно опредѣленныхъ къ тому благочинныхъ какъ-бы духовныхъ фискаловъ; они обязаны были надсматривать за всѣмъ и доносить епископу. Ibid., стр. 10, сначала стр. 13, п. 17.

уполномочиваетъ епископа „тайно у меньшихъ церковниковъ и другихъ лицъ вывѣдывать о жизни и поведеніи пресвитеровъ и діаконѣвъ, особенно о тѣхъ ихъ проступкахъ, которые явны народу, но скрываются отъ епископа“. Пока епископъ не разсмотритъ и не рѣшить жалобъ, принесенныхъ ему, до тѣхъ поръ ни онъ не долженъ принимать къ себѣ посѣтителей, ни самъ навѣщать другихъ, чтобы не подпасть подозрѣнію въ пристрастіе, и не быть увлечену чѣмъ-либо“.

γ) Во время тѣхъ же посѣщеній епископъ разспрашиваетъ—какъ у духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ: не дѣлаются ли гдѣ-либо суевѣрія, не обрѣтаются ли вликуши, не проявляетъ ли кто для скверноприбытка ложныхъ чудесъ при иконахъ, при кладезяхъ и источникахъ и т. п. О правленіи и поведеніи въ монастыряхъ Регламентъ совѣтуетъ епископу спрашивать лучше у духовенства города и его жителей, чѣмъ у самой монашеской братіи.

δ) Въ особенную обязанность епископамъ Регламентъ вмѣняетъ то, чтобы они вѣдали своимъ служителямъ, „чтобы тѣ, въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пребывали, и не творили бы соблазна, наипаче же не домогались бы у монаховъ и у поповъ кушанья и питья, и конскаго корму лишняго, коимъ паче не дерзалъ бы грабить, подъ виною жестокаго наказанія, ибо слуги архіерейскіе обычнѣ бываютъ лакомыя скотины и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстыдіемъ, какъ татары, на похищеніе устремляются“.

ε) Наконецъ всякій епископъ обязывается Регламентомъ два раза въ годъ доносить духовной коллегіи о состояніи и поведеніи своей епархіи. Въ этихъ дово-

шеніяхъ они не должны скрывать епархіальныхъ нестроений и умалчивать объ нихъ; за намеренную утайку, коль скоро она будетъ дознана, епископу грозитъ судъ духовной коллегіи (¹).

III.

Изъ предметовъ, относящихся до церковнаго управленія и благоустройства, духовный Регламентъ разсуждаетъ объ училищныхъ домахъ: академіяхъ и семинаріяхъ, проповѣдникахъ и мірскихъ особахъ, „поелику участны суть наставленія духовнаго“. Разсужденія Регламента объ означенныхъ предметахъ, кромѣ того, что вѣютъ непосредственнымъ духомъ эпохи того времени, проясняютъ собою желанныя цѣли русскаго правительства.

Статью о домахъ училищныхъ духовный Регламентъ открываетъ цѣлою апологіею въ защиту просвѣщенія противъ того враждебнаго взгляда на настоящій предметъ, который старая Русь вмѣстѣ съ своими предразсудками и суевѣріями завѣщала новой Руси. Указаніемъ на благодѣтельные плоды образовательныхъ реформъ Державнѣйшаго Монарха въ другихъ отрасляхъ государственнаго благоустройства, Регламентъ начинаетъ свое разсужденіе о необходимости ввести просвѣщеніе и въ вѣдомство церкви. „Когда нѣтъ свѣта ученія, говоритъ Регламентъ, нельзя быть и доброму церкви поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздоромъ и пребезумнымъ ересямъ“. На старое мнѣніе, сдѣлавшееся убѣжденіемъ большинства русскихъ людей, „будто ученіе производитъ только ереси, опасныя для

(¹) Дух. Регл., стр. 14—15.

истины и вѣры“, Регламентъ отвѣчаетъ съ замѣчательною силою и рѣдкимъ пониманіемъ предмета. Въ общемъ смыслѣ онъ говоритъ, что ереси плодились въ церкви не „отъ ученія бѣсновавшихся учителей, а отъ гордаго глупства“, возрастали и укрѣплялись „отъ злобы и гордости, которая не попускала еретикамъ перемѣнить дурное ихъ мнѣніе“, что „если посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на миопедшіе вѣка, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели свѣтлыхъ ученіемъ временахъ“. Но не всякое ученіе и Регламентъ называетъ полезнымъ для церкви и отечества, а только „ученіе доброе и основательное“... „Неосновательные мудрецы не только не полезны, но и весьма вредны суть и дружеству и отечеству и церкви: предъ властями надмѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ, и пролѣзть на степень честный; равнаго чина людей ненавидятъ, и если кто во ученія похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити... когда богословствуютъ, нельзя имъ не еретичествовать; за невѣжествомъ бо своимъ удобъ проговорятся, а мнѣнія своего изреченнаго перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтобы не показать себя, что не все знаютъ... мудраго человѣка есть свойство отмѣнять мнѣніе“ (1).

Послѣ предложенныхъ разсужденій Регламентъ начертываетъ и самыя правила проектируемыхъ имъ академій и семинарій. Эти правила касаются пріема учащихся, избранія учителей, управленія и внутренняго устройства заведеній, метода и состава самаго обученія.

„Должны всѣ протопопы и богатшіи или и иніи священники дѣтей своихъ присылать въ академію. Можно тоежь

(1) Дух. Регл., стр. 15—17.

указать и лучшимъ градскимъ приказнымъ людямъ⁽¹⁾. Въ семинаріи собственно не указывается принимать малыхъ дѣтей, но отъ 10—15 лѣтъ и старше, только не иначе, какъ „по прошенію честныхъ лицъ, свидѣтельствующихъ, что отрокъ и въ домѣ родительскомъ жилъ въ страхѣ и добромъ насмотрѣніи“⁽²⁾. Новоприведеннаго ученика предписывается испытывать, чтобы отвѣдать его память и остроуміе; обязавшихся явно тупыми не принимать, чтобы они напрасно не тратили лѣтъ, но притворяющихся такими „ради отпуска въ домъ“ подвергать „искушенію ума“ въ теченіи года⁽³⁾. Отъ поступавшихъ въ академію бралась собственноручная подписка въ томъ, что они „до конца ученій пребудутъ въ академіи, подъ великимъ штрафомъ, еслибы обѣта своего не исполнили“⁽⁴⁾. Начальству также вѣнялось въ обязанность держать учениковъ при академіи до конца всѣхъ ученій и не отсылать безъ вѣдома духовной Коллегіи; начальникъ, тайно отпустившій ученика „за мзду поданную“, долженъ подлежать, по Регламенту, жестокому наказанію⁽⁵⁾. По „дѣтицъ непобѣдимой злобы, клеветниковъ, непокорныхъ“, которыхъ „черезъ годовое время ни увѣщаніи, ни жестокими наказаніи одолѣть не возможно, хотя бѣ и остроумны были, высылать съ академіи, чтобы бѣшенному мечу не дать“⁽⁶⁾.

Выборъ на должность учителя долженъ быть самый тщательный; долженъ сопровождаться испытаніемъ знаній кандидата по предмету предстоящихъ ему занятій.

(1) Дух. Регл., стр. 19, п. 14.

(2) Ibid., 21, 14.

(3) Ibid. 19, п. 17.

(4) Ibid. 20, 21.

(5) Ibid. 19, 15.

(6) Ibid. 20, 18.

Оказавшимся не искусными въ требуемомъ ученіи, но остроумными отъ природы, при недостаткѣ людей, можно давать полгода и даже годъ времени для усовершенствованія себя въ нужныхъ позваніяхъ „отъ авторовъ въ дѣлѣ томъ искусныхъ“ (1).

Собственное начальство въ академіи составляютъ: ректоръ и префектъ; въ семинаріи — ректоръ „дому всего управитель“ и два экзаменатора „розыщики ученія“. Всѣ эти лица и особенно ректоръ и префектъ академіи должны были быть „люди ученые, извѣстные своими трудами“. Ректоръ и префектъ академіи наблюдаютъ какъ за неопустительнымъ хожденіемъ учителей въ классъ, такъ и за самымъ характеромъ ихъ преподаванія; для сей цѣли они обязываются посѣщать всѣ классы по два въ недѣлю, слушать преподаваніе учителя и испытывать знанія учениковъ; объ учителяхъ, неблагонадежныхъ чѣмъ либо по службѣ, ректоръ д. доносить духовной коллегіи. Ректоръ семинаріи „верховная власть всѣхъ всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ“, только не отпускать изъ семинаріи безъ вѣдома духовной коллегіи, хотя бы „кто явился и непреклоннымъ къ исправленію“ (2).

Академіи должны устроиться „не въ городѣ, но въ сторонѣ, на веселомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ народнаго шума, ниже частыя оказіи, которыя развлекаютъ учащихся“. Семинаріи должны устроиться при академіяхъ и безъ нихъ. Внѣшнее устройство семинаріи должно быть подобнымъ монастырю; ученики въ количествѣ осми или девяти человѣкъ распределены по особымъ помѣщеніямъ (избамъ); для каждаго помѣщенія назначается особый

(1) Ibid. 17, 3, 4.

(2) Дух. Регл., стр. 19, п. 11, 12 и стр. 20, п. 5, 7, 8.

префектъ „человѣкъ хотя не ученый, но честнаго житія, только не вельми свирѣпый и не меланхоликъ отъ 30 до 50 лѣтъ: онъ наблюдаетъ — какъ за добровравіемъ учащихся, такъ и ихъ занятіями въ указанное время, и наказываетъ ихъ: малыхъ „розгою“, среднихъ и большихъ „словомъ укорительнымъ“, на неисправляющихся доносить ректору (¹).

Всеобщее въ то время неблагорасположеніе къ занятію науками побудило составителя Регламента начертать довольно строгія правила касательно отпусковъ учащихся, но довольно снисходительныя касательно развлеченій ихъ въ заведеніи. Регламентъ вообще не одобряетъ того, чтобы отпускать семинаристовъ изъ семинаріи въ городъ, или куда бы то ни было, пока они „не обыкнутъ, пребывая въ семинаріяхъ и не ощутятъ замѣтной пользы такого воспитанія“. Для подобнаго „обыканія“ назначается трехлѣтній срокъ, послѣ котораго дозволяется увольнять, но только не болѣе двухъ разъ въ годъ и притомъ на семь дней; уволеннаго сопровождаетъ особый наблюдатель, который слѣдитъ за нимъ всюду, а, по возвращеніи, доноситъ начальству объ его поведеніи. При посѣщеніи воспитанниковъ родственниками обязывается присутствовать самъ ректоръ, или экзаменаторъ, смотря „по разсужденію“ посѣтителей (²).

„Таковое младыхъ человѣкъ житіе“, размѣряемое звономъ, самъ Регламентъ называетъ „стужительнымъ и подобнымъ плѣнническому заключенію“. Но онъ же и старается „разнообразить его особыми развлечениями: семинаристамъ каждый день назначалось два часа для гулянья „съ играми честными и тѣлодвижными“, напр.,

(¹) Ibid., стр. 20, п. 1, 4, 6.

(²) Ibid. 21, 10, 12.

водное на регулярныхъ судахъ плаванье, геометрическіе размѣры, строеніе регулярныхъ крѣпостей и т. п., лѣтомъ однажды, или дважды въ мѣсяць дозволялись прогулки на острова, поля и веселыя мѣста, къ загороднымъ Государевымъ дворамъ и въ Петербургъ. Въ видахъ отчасти тѣхъ же развлеченій дозволялось дѣлать „акціи, диспуты, комедіи, риторскія экзерциціи“; въ великіе праздники позволялось быть „при столѣ семинаристовъ гласомъ мусикійскихъ инструментовъ“. Для сего Регламентъ допускаетъ нанимать особаго „майстера“, у котораго всѣ желающіе семинаристы учились бы музыкѣ (¹).

Науками академическаго курса должны быть: грамматика купно съ географіей и исторіею (²); ариметика и геометрія; логика, или діалектика; реторика съ стихотворнымъ ученіемъ; физика съ краткою метафизикою; политика краткая Пуффендорфа и богословіе. Для каждой изъ пяти первыхъ наукъ назначалось по одному году, для богословія два; всего восемь лѣтъ. Руководствомъ при преподаваніи богословія должны были служить: св. Писаніе и творенія св. отецъ вмѣстѣ съ дѣяніями вселенскихъ соборовъ; изслѣдованія иностранныхъ ученыхъ допускались къ употребленію, но съ крайнею осмотрительностію и осторожностію. „Многажды бо, замѣчаетъ Регламентъ, лгутъ господа оныя, и чего не бывало приводятъ: многажды же слово истинное развра-

(¹) Ibid., стр. 21, п. 13, 15, 16, 18, 20. Къ разряду увеселеній учащихся Регламентъ относитъ чтеніе за общимъ столомъ происшествій церковной и гражданской исторіи, также разказовъ о великихъ ученыхъ, церковныхъ писателяхъ, древнихъ и новыхъ философахъ, астрономахъ, риторгахъ, историкахъ и пр., также раздача нѣкихъ почестей добръ и тщательно учащимся. Ibid., п. 17, 19.

(²) Исторію и Географію предполагалось учить, дѣлая „экзерциціи“, по „регуламъ грамматическимъ“ напр. переводы *ibid.*, стр. 19, п. 9.

щаютъ“. Въ отношеніи къ наукамъ свѣтскимъ главнымъ пособіемъ должны служить трудъ „изряднѣйшихъ во всякомъ ученіи авторовъ, которые свидѣтельствованы въ славныхъ академіяхъ, именно въ Парижѣ“ (1).

Какъ воспитанниковъ академіи, такъ и семинаристовъ, по окончаніи ими ученія, Регламентъ предписываетъ рекомендовать самому Царскому Величеству, для опредѣленія изъ нихъ, если бы понадобилось, на мѣста (2).

Въ статьѣ о проповѣдникахъ Регламентъ ограничивается практическими наставленіями, вполне пригодными и для нашего времени.

Званіемъ проповѣдника, по Регламенту, можетъ пользоваться только лице, получившее свидѣтельство отъ самой духовной коллегіи, и выдержавшее предъ нею испытаніе въ проповѣдническомъ искусствѣ (3).

Въ самомъ дѣлѣ проповѣданія Регламентъ предписываетъ руководствоваться слѣдующими правилами. Говорить съ доводовъ св. Писанія о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина, противъ суевѣрій для вкорененія въ людяхъ страха Божія (4). Говоря о грѣхахъ, не упоминать о лицахъ, виновныхъ въ нихъ, если только они не объявлены церковію; о грѣхѣ извѣстнаго лица, который сдѣлался гласнымъ въ обществѣ, также не говорить, чтобы не навлечь на себя мщеніе со стороны виновнаго (5). Проповѣдникъ не долженъ дѣлать своей проповѣди средствомъ для от-

(1) Ibid. 17, 6, 7, 10

(2) Ibid. 20, 21, 22, 25.

(3) Ibid. 22, 1.

(4) Ibid. 22, п. 2.

(5) Ibid. 22, п. 3.

мщенія лицу, обидѣвшему его; не слѣдуетъ ему, особенно когда онъ молодъ, говорить о грѣхахъ „властительно“, обличая въ лице слушателей (¹); въ составленіи поученій онъ долженъ руководствоваться сочиненіями Златоустаго, но не хвалиться, если бы онъ замѣтилъ успѣхъ своихъ проповѣдей (²). На самой кафедрѣ церковной проповѣдникъ долженъ быть скромнѣе: не поднимать съ гордостію бровей, не дѣлать надмѣнныхъ движеній плечами, не употреблять высокоумнаго тона (³). Положеніе всего тѣла должно быть спокойное, безъ крайнихъ движеній: въ родѣ напр. покачиваній изъ стороны въ сторону, спляскиванья руками, упиранья въ бока, подскакиванья, смѣха и слезъ: „вся бо сія лишняя и неблагообразна суть и слушателей возмущаютъ“ (⁴). Въ присутствіи другихъ не слѣдуетъ проповѣднику заводить разговора о своей проповѣди; если бы и была поднята бесѣда объ ней: то онъ не долженъ ни хвалить, ни охуждать своего слова, но стараться окончить рѣчь объ этомъ предметѣ, и начать бесѣду о другомъ (⁵).

Разсужденіе о мірянахъ Регламентъ ограничиваетъ стороною, съ которой они подлежатъ церковному управленію, или сами принимаютъ участіе въ немъ.

Мірянами, по словамъ Регламента, называются всѣ вѣрующіе, въ отличіе отъ служителей и управителей церковныхъ, какъ ихъ „слышатели и ученицы“ (⁶).

Какъ пасомые они обязаны къ совершенному по-

(¹) Ibid. 23, п. 4, 5.

(²) Ibid. 23, п. 6, 7.

(³) Ibid. 23, п. 8.

(⁴) Ibid. 23, п. 9.

(⁵) Дух. Регл., стр. 23. п. 10.

(⁶) Ibid., стр. 24 въ концѣ.

виновенію пастырямъ и послушанію ихъ ученію и руководству. Какъ христіане обязываются часто, и непременно однажды въ годъ, причащаться св. Таинъ. Уклоненіе отъ сего долга Регламентъ считаетъ вѣрнымъ признакомъ отчужденія отъ церкви къ расколу ⁽¹⁾.

Регламентъ не одобряетъ нѣкоторыхъ явленій, идущихъ изъ древней Россіи и имѣющихъ свое основаніе въ тогдашнемъ устройствѣ церковнаго быта. Именно онъ запрещаетъ всѣмъ мірянамъ, кромѣ фамиліи Царскаго Величества, имѣть у себя домовыя церкви и крестовыхъ поповъ; „ибо сіе лишнее есть и отъ единой спеси дѣется и духовному чину укорительное“, принимать „волочащихся поповъ“ къ себѣ въ духовники, „ибо священникъ изгнанъ за преступленіе, или своевольно самъ оставилъ врученную себѣ церковь, уже почитай и не священникъ есть, и великій грѣхъ пріемлетъ, дѣйствуя священническая“. Чтобы уменьшить на будущее время количество такихъ священнослужителей, Регламентъ старается ввести болѣе опредѣленный порядокъ въ замѣщенія мѣстъ священническихъ. Онъ обязываетъ всѣхъ прихожанъ и въ частности помѣщиковъ, гдѣ они будутъ, свидѣтельствовать, что избранное ими на священство лице „житія добраго и неподозрительнаго“, и точно обозначить, „какая ему руга будетъ, или земля“; указываетъ брать и съ избраннаго подписку въ томъ, „что онъ тою ругою или землею хочетъ быть доволенъ, и отъ церкви, къ которой посвященъ, не отходить до смерти“ ⁽²⁾.

Регламентъ далѣе осуждаетъ тѣ случаи, когда „гражданскіе управители и иныя власти, такожъ силь-

(1) Ibid., стр. 25, 1, 2.

(2) Ibid., стр. 26, 7, 8, 9.

ные помѣщики“, подлежа духовному вразумленію за свои дѣйствія, не хотѣли однакожь слушать и повиноваться своимъ епархіальнымъ епископамъ, не признавали ихъ и своими пастырями. Онѣ внушаетъ всѣмъ мірскимъ лицамъ во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ обращаться къ епархіальному ихъ епископу и свое внушеніе еще болѣе усиливаетъ въ отношеніи къ дѣламъ о сомнительныхъ бракахъ. Священникъ, если не рѣшитъ сомнѣнія, обращается къ разсужденію епископа; епископъ—къ духовной коллегіи. Коллегія для всѣхъ, могущимъ встрѣтиться недоразумѣній, указывается „написать рѣшеніе крѣпкое отъ св. писанія и отъ разсужденія славныхъ, древнихъ учителей, такожь и отъ уставовъ царскихъ“. Для отвращенія самыхъ подозрѣній на неправильность брака, Регламентъ полагаетъ такое общее правило: не вѣнчать браковъ въ чужихъ приходахъ, къ которымъ не принадлежатъ ни женихъ, ни невѣста, а тѣмъ болѣе браковъ изъ другой епархіи; не приглашать для вѣнчанія и священниковъ другой епархіи, и другаго прихода: „сіе, кромѣ укоризны своихъ пастырей, еще являетъ, что такъ женящіися въ подозрѣніи суть неправильнаго сочетанія“ (2).

Соображая содержаніе Духовнаго Регламента въ цѣломъ, нельзя не сказать, что одна часть этого содержанія создана и протолкована требованіями и цѣлями петровской реформы; другая указана и продиктована темными сторонами церковной жизни прежняго времени. Соотвѣтственно этому, одна часть раскрываетъ начала и желанія реформы, другая указываетъ недостатки и нужды церковной жизни, требовавшіе исправленія и удовлетворенія. Цѣли административныя и нравственныя

(1) Дух. Регл., стр. 26, 27, п. 10, 12.

проникають собою все содержаніе Регламента, такъ что, по указанію этихъ цѣлей и для удовлетворенія ихъ, Регламентъ излагаетъ свои общія и частныя узаконенія. Эти узаконенія, захватывая почти всѣ предметы церковнаго управленія, проясняютъ тотъ общій взглядъ, которымъ дѣятели администраціи должны руководствоваться при завѣдываніи тѣми предметами, указываютъ стороны, устройство которыхъ болѣе необходимо для порядка и жизни. Эти узаконенія доводятъ какъ до общественнаго сознанія, такъ и въ частности до сознанія подлежащей власти тѣ нестроенія и недостатки, которые хотя сжились съ русскимъ обществомъ, но никакъ не могутъ быть терпимы среди него, какъ явленія вредныя, противузаконныя и противунравственныя. Къ уничтоженію этихъ нестроеній и этихъ недостатковъ Регламентъ и направляется своимъ содержаніемъ, которое имѣетъ потому не просто юридическое, но вмѣстѣ и педагогическое значеніе: это не только законъ, но вмѣстѣ и правительственное распоряженіе о приведеніи въ исполненіе смысла и требованій сего закона; это не только предписаніе о томъ, что желательно, что нужно: а вмѣстѣ и наставленіе въ томъ, какъ достигнутьжелаемаго, какъ получить нужное. На томъ основаніи, что всѣ свои постановленія и распоряженія духовный Регламентъ соображаетъ и раскрываетъ примѣнительно къ дѣйствительнымъ нуждамъ мѣстной церкви, онъ, не смотря на совершенное признаніе смысла вселенскаго права ⁽¹⁾, остается источникомъ одного русскаго права для одной русской же церкви.

Т. Барсовъ.

⁽¹⁾ Регл., стр. 1.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки